— Извините.

— Нет, Лилоа.

«Это произошло потому, что я слишком потерпел неудачу. Я должен был расправиться с ними раньше, но не смог. Это сводит меня с ума... Что-нибудь случилось на палубе?

«Это все моя вина, что они могут так неистовствовать. Половина старой команды ушла в отставку из-за предложения, которое я им сделал...»

"... Вас не ударили? Вы получили травму?

Лил не выдержала вопроса, не плюнули ли на него. Она подумала, что ей лучше быстро освободиться и убедиться в этом сама, поэтому она снова пошевелила рукой. Но даже в разгар беспокойства о Сезаре у нее возникло искушение спросить, кто командует штурвалом.

«Два человека, которые лучше всех знают маршрут, связаны, так кто, черт возьми, будет двигать корабль? Это безумие, но сначала я должен поднять настроение Сезару...»

«Ален встал у руля».

«А? О, ладно...»

«Конечно, Ален не был согласен с Хулио. После того, как я отказался, старик взял на себя ответственность за безопасность всех, и в настоящее время идет офицерское собрание. Одним из условий Хулио было проголосовать, пока тебя еще держат под стражей. В порыве ярости один из наших бойцов сломал руку одному из членов своей команды. После этого атмосфера ухудшилась, еще трое получили ранения, когда вас потребовали отпустить. Они также хотели изолировать меня, думая, что я могу повлиять на решение экипажа, поэтому я спустился добровольно».

Лил не могла не задаться вопросом, почему Сезар сам пришел сюда.

«Почему вы это сделали? И почему вы позволяете им так обращаться с вами? Вы ни за что не будете довольны чем-то подобным... Я не хочу, чтобы вас тоже унижали. Извините, пожалуйста... Мне так жаль, что я не могу этого вынести... Я бы предпочел, чтобы вы были на палубе прямо сейчас, какой смысл быть здесь? Они все еще следуют за тобой... Я этого вообще не понимаю...»

Лил вдруг кое-что поняла и, затаив дыхание, проглотила свои слова.

«Моряки там наверху — это не моряки из военно-морского флота, которых он поклялся вести и

защищать...»

— Потому что ты здесь.

"..."

«Я больше беспокоюсь о тебе, чем о команде».

Ее рука, которая непрерывно терла осколок стекла о веревку, остановилась. К этому моменту она уже наполовину перерезала ремни вокруг запястий, и они были бы полностью разрушены, если бы еще немного. Однако вместо того, чтобы закончить работу, потрясенная Лил открыла свою искалеченную ладонь, и осколок стекла, который она крепко держала, беспомощно упал.

Она слышала его ровное дыхание за спиной. Ее волосы, скорее всего, касались его плеч, они были достаточно близко, чтобы дотянуться, но их положение не позволяло им смотреть в одном направлении. По иронии судьбы, она думала, что этот факт действительно отражает все их отношения.

Лил изо всех сил пыталась поднять голову, когда ее глаза начали наполняться слезами.

"... Когда я была маленькой, у меня была кукла. Она была такой хорошенькой, что я всегда носил ее с собой...»

"..."

"... Я не знаю, почему мне тогда нравились куклы. Может быть, потому, что я был так молод? Или, может быть, это было потому, что мне разрешалось иметь только кукол и не разрешалось любить другие вещи...»

"..."

"... Во всяком случае, я представлял куклу всем, с кем сталкивался. Я назвал его Филадельфия, так что ее имя было близко к моему. Но люди, похоже, не думали о Филадельфии как о чем-то особенном. Когда я разговаривал с ними с гордым сердцем, они не забавлялись и даже не притворялись. Я не осознавал этого в то время...»

"... Что ты хочешь сказать?

"... Мне было грустно, что никто, кроме меня, не считал ее красивой. Никто другой не любил ее так сильно, как я. Почему никто другой не считал ее драгоценной? Это было разрушительно... Несмотря на то, что я хвастался тем, что наряжал ее, они никогда не признавали ее. Постепенно моя точка зрения начала меняться, и я усомнился в том, что, возможно, она

действительно была действительно уродливой. Может быть, мне просто нравились странные вещи. Может быть, я ошибался. Я боролся с такими мыслями, пока однажды Филадельфия тоже не показалась мне потрепанной...»

"..."

Процесс потери уверенности в себе был мучительным. Лил вспомнила, как в молодости начала тревожно бегать в туфлях с круглым носком. Только сейчас она поняла, что с тех пор не сильно изменилась.

"... И вот, в конце концов, я ее выбросил...»

"..."

Ей было так жалко, что она расплакалась. Чувствуя душу внутри, она хотела схватиться за грудь, но ее тело все еще не могло двигаться.

«Вы не представляете, насколько это было душераздирающе. Но поскольку я проводил каждый день, сожалея об этом, мысленно я снова и снова выбрасываю Филадельфию».

Она запыхалась, так как знала, что ей нужно принять решение.

«Со всем, что происходит, как я могу убежать, когда мы доберемся до Серлио? Я просто не могу оставить свою встревоженную команду. Я не могу закрывать глаза на моряков, которые защищали меня и терпели насилие Хулио, даже несмотря на то, что их страхи достигли своего пика из-за военно-морской инспекции. Это будет ужасно безответственно с моей стороны... Если я не хочу идти, Сезар меня выслушает. Но могу ли я набраться смелости, чтобы сказать об этом Сезару? Возвращение в Паничи поставит нас в очень опасную ситуацию... Но в то время как у меня есть чувство ответственности и привязанности как у капитана, для Сезара это будет похоже на возвращение в сущий ад...

Как мне ему это сказать? Как только я говорю ему, что он «вернется один», я излагаю нечто большее, чем просто завещание. Это я показываю, какую жизнь я выбираю. Жизнь, которую я никогда не отдам ради него...»

Лил не хотела говорить об этом Сезару. Если быть более точным, Лил не хотела, чтобы Сезар возвращался с ней в Паничи. Но независимо от того, хочет ли она вернуться одна или нет, Сезар все равно последует за Лил в тот момент, когда она упомянет «Паничи»...

"... Тогда я начну отрубать ему ногу?..

Она откуда-то услышала слишком знакомую галлюцинацию.

"… Ой. Или будет удобнее, если я отрежу тебе язык, чтобы ты вообще не мог говорить?..

Голос бога смерти смешался со смехом.

Лил не удивилась, увидев Морту в хижине Эда. Мрачный жнец, увидевший ее серьезный взгляд, с ухмылкой перерезал ей рот. Ее рот был разорван от уха до уха. Когда ее подбородок упал на грудь, молчаливая усмешка Морту стала гуще. Когда его черная насмешка приблизилась, Лил огляделся по сторонам. Было невероятно темно, даже когда эта хижина была светлым местом, несмотря на отсутствие лампы, и такая темнота делала облик Морту еще более ясным.

«Думаю, теперь я знаю, почему я так мирно заснул здесь. Морту не было. В каюте, где находился Эд, не было Бога Смерти… Может быть… потому что он был слишком ярким».

В то время бестеневой Бог Смерти не осмеливался протянуть свою косу. Но после того дня Морту был похож на летучую мышь, которая залетела в каждую щель, в которой исчез ее владелец.

Лил посмотрела прямо на своего незваного гостя.

«Удивительно, что я наконец-то подумал о том, чтобы посмотреть на лицо, о котором я даже не знал, к чему оно прикреплено».

Не было никакой конкретной внешности для отвратительного монстра, который жил в фантазиях. Черная фигура, которую Лил видела в книгах по мифологии, когда она была ребенком, была только началом ее абстракций. Позже, когда ее сводящий с ума разум создал темное пятно, она все больше и больше боялась его. И чем больше она пугалась, тем ужасающе ясной становилась тень. Страх и отчаяние Лил были зубилами и молотками, которые вырезали Морту.

Голос бога смерти проник в ее голову.

"… Разве я вам не говорил? Среди вещей, которые я приносил другому гостю, иногда были кости и плоть, которые не принадлежали тебе… Но, в конце концов, он все-таки их принял…»

«Я знаю… Сейчас… Я знаю…»

"… Тогда, если вы не позаботитесь о том, чтобы это больше не повторилось?..

— Ладно, не будет.

"… Притворяться, что это нравится, но на самом деле это не нравится… Это не весело, мой

дорогой постоянный клиент…»

Тьма соблазнительно раскрыла свои объятия и освободила место для Лил. Обычно она проскальзывала под мышку и пряталась. Но независимо от того, насколько хорошо она думала, что ее спрятали, Сезар постоянно находил ее и протягивал руку. Когда это произошло, у Лил не было другого выбора, кроме как отплатить своему спасителю тяжестью собственного сердца, вылепленного только из лучших кусков плоти. И, конечно же, Морту был там, чтобы помочь им обменять свои награды. Это было так больно, но как бы она ни старалась, она просто не могла дать ему то же самое. Она только надеялась, что бессмысленная масса плоти может быть превращена в иллюзию и принята.

Однако теперь ей было ясно, что Сезар все это время был заперт вместе с ней, ползая и катаясь по полу того же холодного замка. Она не могла заставить его дни, преследуемые тьмой, боязливые и мучительные при виде текущей крови, продолжаться в будущее.

Лил не «притворялась, что ей это нравится, но на самом деле не любила». Несмотря на то, что она никогда не думала о том, чтобы принять его плоть как должное или о том, что она когда-либо сможет закрыть глаза на жертву Сезара, ей все же было жаль, что она поняла это слишком поздно.

«Если ты так же болен, как и я, то сколько боли ты перенес? Ни один человек не рождается ради других. Как бы Сезар ни старался идти со мной, он не должен этого делать. Я больше не могу этого допустить. Конечно, я тоже…»

Не говоря ни слова, Морту шире раскрыл объятия.

«Как долго я нахожусь в этом адском гнезде? … Слишком долго я искал тишину и покой в месте, где мне не следовало бы. Неужели я действительно верил, что тьма, бесконечная по объему и глубине, приведет к мирному концу…»

– – – – –

http://tl.rulate.ru/book/69952/2919896